

РЕЦЕНЗИИ

Lawrence E. Harrison, Samuel P. Huntington (eds.) *Culture Matters. How Values Shape Human Progress*, Basic Books 2000, 348 p.

Culture Matters – это сборник эссе, посвященных роли, которую в разных обществах играла или играет культура. Редакторами книги являются Лоуренс Э. Харрисон, руководивший в 1965-1981 гг. миссиями Американского агентства международного развития в пяти государствах Латинской Америки, автор, в частности, таких произведений, как *Underdevelopment Is a State of Mind* и *The Pan-American Dream*, а также Сэмюэл П. Хантингтон, директор Института стратегических исследований им. Джона М. Олина и президент Академии международных и региональных исследований в Гарвардском университете, сторонник тезиса о конфликте цивилизаций, который он развил в книге *The Clash of Civilisations and the Remaking of World Order*¹. В *Culture Matters* Хантингтон не сосредоточивается на возможном конфликте между цивилизациями, указывая лишь на роль культуры в экономическом развитии и политической демократизации.

Книга является записью выступлений и дискуссий, которые состоялись во время симпозиума «Культурные ценности и прогресс человечества» в Американской академии искусств и наук в Кембридже (Массачусетс) в 1999 г. Симпозиум был посвящен следующим проблемам:

- связи между ценностями и прогрессом;
- универсальность ценностей и западный «культурный империализм»;
- география и культура;
- отношения между культурой и учреждениями;
- культурные изменения.

¹ S.P. Huntington, *Zderzenie cywilizacji*, WWL MUZA SA, Warszawa 1998.

Как пишет во введении Лоуренс Э. Харрисон, участники симпозиума были едины в том, что следует начать исследования с целью определения изменений, которые происходят в отдельных культурах. Результаты этих исследований могли бы помочь в планировании программ политики развития в государствах Третьего мира и борьбе с бедностью в США. Конечным продуктом исследований были бы, в частности, практические инициативы, пропагандирующие ценности и позиции, способствующие прогрессу. Подводя итог, Харрисон говорит о своей вере в то, что включение культурных изменений в программы политики развития, планирования и программирования является средством для того, чтобы на протяжении последующих 50 лет мир вновь не испытал бедности и несправедливости, которая была уделом некоторых государств и этнических групп за последние полвека.

Хантингтон в предисловии указывает, что культура понимается авторами как «ценности, позиции, верования, направления и принципиальные основы, доминирующие в обществе» (С. xv). Авторы некоторых очерков, не давая дефиниции «культуры», опосредованно обращаются в своих текстах к широкому значению этого понятия, выработанного на почве антропологии. В антропологии «культура, подобно личности, является более или менее однородным способом мышления и деятельности. В пределах каждой культуры появляются характерные цели, не являющиеся целями обществ иного типа»². В этом направлении двигается Ричард А. Шведер, единственный, кто формулирует собственную дефиницию культуры как «специфического для общества представления о правде, добре, прекрасном и эффективности. Чтобы принадлежать к „культуре“, данные идеи о правде, прекрасном и эффективности должны быть социально наследуемы и вводимы в обычай. Они должны действительно быть составным элементом разных стилей жизни» (С. 163). Орландо Паттерсон замечает, что, с одной стороны, развивающаяся дисциплина культурологических исследований пытается объяснить

² R. Benedict, *Wzory kultury*, WWL MUZA SA, Warszawa 1999, s. 112. Взгляд, считающий культуру детерминатом всего человеческого поведения, совпадает с системно-функциональной теорией Галькотта Парсонса. Согласно ему, человеку лишь кажется, что он принимает самостоятельные решения, а на самом деле он копирует образцы, предложенные ему системой – обществом (шире о системно-функциональной теории Парсонса см.: J. Szacki, *Historia myśli socjologicznej*, PWN, Warszawa 2002, s. 813–823).

образцы человеческого поведения, с другой же – в некоторых кругах интеллектуалов существует сопротивление попыткам объяснения какого бы то ни было аспекта человеческого поведения с помощью культурного фактора. Как пишет Паттерсон, в гуманитарных и либеральных кругах удерживается убеждение в том, что культура является «символической системой, которую следует интерпретировать, понимать, обсуждать, определять ее границы, считаться с ней, почитать как характерный продукт особой группы лиц, равноценный с другими продуктами этого типа. Но она никогда не должна быть используема для выяснения чего бы то ни было о людях, которые ее создали» (С. 202).

Редакторы и большинство авторов согласны в том, что некоторые культуры выше других в формировании свободы, благосостояния и справедливости. Следует обратить внимание на характерное для западной мысли понимание авторами понятия прогресса. Он отождествляется, главным образом, с научно-техническим и экономическим развитием, а также политической демократизацией. И поэтому общества, в которых делается акцент на формирование и развитие духовных ценностей и которые достигают в этом положительных результатов, не будут признаны авторами прогрессивными. Такой подход критикует Шведер, утверждая, что прогресса, который мог бы быть назван объективным, не бывает.

Натан Глейзер указывает на проблему, которая может возникнуть при попытках отделения культуры от других характерных для данного общества черт с целью выяснения существующих между обществами различий. Факторами, способствующими возникновению различий, могут быть, например, возраст (общества старые и молодые), география (жители больших городов – малых деревень и местечек, население Севера – Юга, Востока – Запада). Но, как констатирует Глейзер, различия, вызванные указанными факторами, также являются результатом характерного для данного общества образца поведения, а следовательно, широко понимаемой культуры, так как «не является ли факт, что одна группа моложе другой или имеет больше детей, также характерной чертой ее культуры?» (С. 226).

Как свидетельствует само название книги, культура каждой общности должна опираться на определенные ценности. Мариано Грондона указывает на существование ценностей двоякого рода:

- внутренние (*intrinsic*), хранимые в душе, существенные, неисчерпаемые; они важны для нас независимо от своей полезности или материальной выгоды; примером таких ценностей может быть патриотизм, который требует жертв и зачастую «невыгоден», если принимать во внимание благополучие и благосостояние личности;
- инструментальные (*instrumental*), вспомогательные, временные, принимаемые во внимание лишь тогда, когда приносят выгоду; инструментальными являются все экономические ценности; в действительности они все представляют собой средство для достижения нематериальных целей – таких, как счастье, свобода, безопасность, религия или благодеяния; для обеспечения непрерывного развития в случае богатых обществ в их системе ценностей должно быть еще что-то, кроме погони за прибылью.

Остальные авторы эссе называют также ценности культурные, прогрессивные, традиционные, семейные, просветительские, правовые, материалистические, постматериалистические, проэкономические, рациональные, позволяющие выжить (*survival*) и поддерживающие автоэкспрессию (*self-expression*).

В эссе противопоставляются ценности азиатские (конфуцианство) ценностям западным (протестантская этика). Большинство авторов идет в своих текстах вслед за веберовской моделью современного общества и связью «протестантской этики» с «духом капитализма». Конфуцианство, согласно Веберу, не в состоянии было вызвать появление капитализма, хотя, например, в своем китайском варианте прекрасно позволило его «ассимилировать» в версии, технически и экономически целиком сформированной современной западной культурой. Мотивом деятельности первых капиталистов нового времени было желание достичь спасения, набожность, аскеза. Протестантский этос повлиял не только на способ производства и обмена в западной культуре, но также на науку и технологию, правовой и политический порядок, системы управления и культурную жизнь в целом³. Вебер произвел анализ великих мировых религий: конфуцианства, индуизма, буддизма и иудаизма, а также их влияния на экономическую жизнь⁴. Как пишет в самом начале Дэвид Лэндес, «Макс Вебер

³ L.A. Scaff, *Max Weber* // Rob Stones (ed.) *Key Sociological Thinkers*, London 1998, p. 37.

⁴ Z. Krasnodębski, *Weber*, PW Wiedza Powszechna, Warszawa 1999, s. 53 и след.

был прав. Если мы и учимся чему-либо из истории экономического развития, то это то, что почти все различия происходят из культуры» (С. 2). А поскольку культура и экономические достижения связаны между собой, изменения в одной сфере приводят к изменениям в другой. В этом направлении идет Фрэнсис Фукуяма в своей главе об общественном капитале. Согласно Фукуяме, нормы, способствующие возникновению общественного капитала, должны содержать такие добродетели, как честность, выполнение обещаний и взаимность. Эти нормы связаны с пуританскими ценностями, которые признаны Вебером ключевыми для развития западного капитализма. Такие нормы, как порядочность и взаимность (т. н. нормы сотрудничества), могут быть разделяемы ограниченными группами лиц в рамках одного общества. Такую группу, являющуюся важным источником общественного капитала, представляет собой семья. Размышляя далее, Фукуяма вслед за Вебером замечает, что вкладом Реформации в развитие было распространение практики добродетелей порядочности, взаимности и бережливости также за пределы семьи.

Таким образом, как же ценности влияют на прогресс человечества и почему одни и те же ценности приводят к разным результатам? Луциан У. Пай выдвигает две гипотезы, призванные помочь в решении этой проблемы. Согласно первой, идентичные ценности, действующие в разных обстоятельствах, могут дать и обычно дают различные результаты. Согласно второй, культурные ценности всегда являются собранием ценностей, которые в разное время могут объединяться по-разному, что и приводит к разным результатам. Мир состоит из множества автономных культур, принадлежащих к отдельным, выделившимся человеческим группам, главным образом, национальным. Эти культуры, каждая в отдельности, могут вносить какой-то вклад в прогресс человечества. Однако относится ли данный прогресс ко всему человечеству или каждая культура отвечает за прогресс создающей ее группы? Что происходит в случае встречи культур и проникновения одной культуры в другую? Будет ли в такой ситуации одна из них «более высокой» культурой и причиной совершающегося прогресса, а другая лишь культурой «низшей», перенимающей образцы у первой? А может быть, однако, каждая из них в присущей ей степени принимает участие в создании того, что называется прогрессом? Ведь вклад отдельных культур, как замечает Р. Стемповски, состоит не в том, что они вносят в

общечеловеческое развитие вполне самостоятельно произведенные открытия, изобретения или идеи. Ибо если бы данная культура должна была опираться на собственные ресурсы, она способна была бы дать исключительно краткую серию существенных свершений. Однако, входя во взаимодействие с другими культурами, она может участвовать в долговременном процессе накопления достижений. Ибо вклад в развитие на долгий срок зависит в конечном счете скорее от своеобразия данной культуры, чем от отдельных свершений⁵.

Иоланта Скубишевска

Michael Emerson, *The Elephant and the Bear – the European Union. Russia and their Near Abroads*. Centre for European Policy Studies, Brussels 2001, 68 p.

Есть ли у медведя, традиционно ассоциирующегося с Россией, и слона – символа Европейского Союза – шанс найти общую платформу для взаимопонимания? Майклу Эмерсону это представляется возможным, так как оба метафорических животных обитают на суше. Другое приводимое им сравнение, в котором Евросоюз остается слонем, а Россия превращается в кита, намекает на то, что названные политические организмы являются представителями двух разных миров и диалог между ними возможен лишь в сфере благих намерений.

Майкл Эмерсон, бывший посол Европейского Союза в Москве, является одним из создателей проекта «Более широкая Европа» (*Wider Europe*), реализуемого в Центре по изучению европейской политики (CEPS – Centre for European Policy Studies) в Брюсселе. Итоги научной работы, выполненной Натали Точчи, Маркусом Вэлом и доктором Николасом Уайтом в рамках этой программы, были использованы для написания *The Elephant and the Bear*.

⁵ R. Stemplowski, *W stronę koalicji kultur* // „Polski Przegląd Dyplomatyczny”, t. 2, nr 2 (6), 2002, s. 11.

Эмерсон выдвигает гипотезу, что Евросоюз способен вести с Россией конструктивный диалог. Отсюда идея «Европы – общего дома», контрастирующая с разделением континента на две империи. Россия, стереотипная «дикая северная страна», представлена здесь как один из субъектов международной политики, который руководствуется в ней определенными принципами. Их понимание и должно привести к созданию платформы диалога. Отсюда точная характеристика главных предпосылок российской внешней политики в сопоставлении с американскими и европейскими.

Одной из целей Европейского Союза является построение на континенте и в ближайшем соседстве демократических систем, уважающих права человека. К сожалению, некоторые государства, по мнению автора, «сами себя из этого процесса перемен исключают», более того, совершенно к нему не стремятся.

Эмерсон пытается избежать стереотипного мышления, излагая как можно более объективным образом предпосылки российской внешней политики. Представленные в публикации парадигмы отношений Россия – Евросоюз (соперничество или сотрудничество) отражают два пути, которые может выбрать российская политика: или приспособление к западным нормам, или их нарушение.

“Reluctant ex-empire” («нерасположенная» или «неуступчивая» экс-империя), Россия, в противоположность евросоюзному идеализму, придерживается реализма во внешней политике и ведет ее, по мнению автора, последовательно и эффективно, в то время как Евросоюз больше заботится о его внутренних проблемах, а в связи с приближающимся расширением определение «внешняя политика» становится несколько расплывчатым. По мнению Эмерсона, Евросоюз создают преимущественно «небольшие страны с многонациональным прошлым», что усиливает элемент «государственности» общего организма (*state*) и ослабляет элемент «национальный» (*national*). Россию же, несмотря на ее этническое многообразие, автор рассматривает как целое.

Эмерсон проводит четкую границу: с одной стороны национальная Россия, с другой – постмодернистский, едва ли не космополитический Евросоюз. Отсюда и метафора слона, стоящего выше «львов» и «орлов» стран-членов, символизирующего *fuzzy statehood*, т. е. размытую государственность. Такой организм руководствуется идеалистической картиной между-

народного сотрудничества, а его цели, определяемые как *milieu goals* (региональные), касаются развития экономических и культурных отношений с окружающими регионами.

Иную логику демонстрирует Россия. Международную политическую сцену она рассматривает как аморальные джунгли интересов, к другим действующим лицам относится подозрительно. Ее цели касаются обладания: территорией, сырьем. Как это свойственно типичному современному национальному государству.

Автор обходит вниманием проблемы с определением национального тождества в России, благодаря чему мы получаем картину единого организма, в котором решения принимаются единогласно. Таким образом постигаемая Россия не представляется хорошим партнером для строительства «общего европейского дома», тем более, что Владимир Путин, по мнению Эмерсона, стремится к восстановлению и обновлению имперской мощи страны.

Осознав «инаковость» партнера, автор задумывается над его последствиями. Сначала он рассматривает альтернативу: или Россия примет европейский стиль ведения внешней политики и добьется расположения другой стороны, или же пойдет по собственному пути, отмежевываясь от «западных» идей (особенно от соблюдения прав человека и вообще закона).

Россия не сделала пока свой выбор. Она непреклонна лишь в вопросах, которые считает своими жизненными интересами, но во всем остальном способна на компромисс. К примеру, уже не чинит препятствий Евросоюзу в стабилизации обстановки на Балканах, а наоборот, устами президента Путина заявляет о своем желании сотрудничать в этом плане.

Иначе обстоит дело с СНГ, которое Россия считает своей сферой влияния. Европейские начинания, например, названная Эмерсоном программа TACIS, обречены на неудачу. Организация GUUAM (таможенный союз Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдовы) также не дожидается, как полагает Эмерсон, поддержки со стороны Европы.

Россия стремится к определению своей сферы влияния, что противоречит евросоюзному видению постепенного объединения континента. Эмерсон проиллюстрировал эту ситуацию на примере сопредельных государств, т. е. тех, которые находятся в географических границах Европы, но не входят в состав ни Евросоюза, ни России. В данном пространстве он выделил три категории. Первую составляют страны, стремящиеся к

интеграции с Россией (Беларусь) или с Евросоюзом (государства, которые завершили переговоры о вступлении, страны-кандидаты, а также Албания, Македония, Сербия и Косово). На пограничном пространстве второй категории (*divided peripheries* – несопредельные периферии) прозападная политическая ориентация сталкивается с пророссийской. К этой категории Эмерсон относит Украину и страны южного Кавказа. К третьей категории (российский анклав внутри сферы влияния Евросоюза) принадлежит только Калининградская область. Большинство пограничных территорий является источником раздора и нуждается в разработке политических решений. Среди уже применяемых Эмерсон называет соглашения о стабилизации обстановки на Балканском полуострове и Кавказе. Первое оценивается им скорее как сглаживающее, нежели ликвидирующее проблему; осуществлению второго мешает сопротивление России, которая хотела бы иметь решающий голос в переговорах, касающихся будущего Кавказа.

Эмерсон представляет также определенные Евросоюзом планы регионального сотрудничества в области торговли, охраны окружающей среды и создания инфраструктуры. Выдвигает постулат создания «южного аспекта» в политике Евросоюза, которое должно ориентироваться на регион Черного моря.

Все предлагаемые мероприятия следует оценить как мягкие и дружелюбные по отношению к России – ее стабилизация представляется приоритетной для «европейской империи». Прибегать к каким-либо резким мерам – к экономическим санкциям или дипломатическим порицаниям – значило бы делать обстановку еще более сложной.

В таких условиях выработка безотказно действующей стратегии является невозможной. Преобладает парадигма двух империй, между которыми находится не столько буферная сфера, сколько сфера конфликта интересов обеих сторон. Нет столь авторитетного посредника или арбитра, предложения которого по разрешению конфликтов могли бы принять обе «империи». Равновесие сил, однако, сохраняется. Официально Россия считает СНГ своей сферой влияния, балтийские же государства можно уже отнести к европейской „империи“. Принятие их в НАТО было одобрено Россией, чему способствовало, по мнению Эмерсона, изменение политической обстановки после терактов 11 сентября 2001 года. И все же это не является, как хотел бы Эмерсон, доказательством того, что преимущество на стороне «Европы», это скорее подтвер-

ждение эффективности нажима со стороны США, тем более раздраженных атакой на ВТО.

11 сентября в умозаключениях Эмерсона выглядит даже событием благоприятным для отношений между Россией и Евросоюзом. Строятся оптимистические планы широкого сотрудничества, охватывающего, кроме двух „империй“, также Соединенные Штаты и НАТО.

Выводы Эмерсона рекомендуют смягчение конфликтов с Россией и подвергают сомнению эффективность внешней политики Евросоюза. Автор с энтузиазмом относится к идее сотрудничества и похвально отзываясь о Путине – «ответственном партнере». Сомнения рассеиваются под влиянием угрозы со стороны «общего врага», каковым является, конечно, терроризм.

Эта угроза, как полагает Эмерсон, сблизит «слона» и «медведя» и приведет к тому, что Россия примет в своей внешней политике нормы, подобные тем, какими руководствуется Евросоюз. Процесс вестернизации представляется неизбежным. Европейский Союз как ближайший центр культуры и технологического прогресса является для России естественным партнером, установление же более тесных экономических и культурных контактов будет благоприятствовать сотрудничеству на арене международной политики.

Правда, Эмерсон вскользь упоминает об опасности со стороны России отказаться от этих процессов, но не описывает ее подробно, не считая, видимо, это вероятным. Ключевым моментом во взаимных отношениях является, по его мнению, изменение политической обстановки после 11 сентября (книга была закончена в октябре 2001 г.). Оказались ли предположения Эмерсона верными, может показать анализ событий минувшего (2002) года.

Анна Завадзка

Włodzimierz Anioł, *Paradoksy globalizacji*, wyd. ASPRA – JR, Warszawa 2002, 358 s.

Сегодня трудно было бы, наверное, найти серьезную научную или публицистическую работу, описывающую современный мир и общество, в которой не оказалось бы слова «глобализация». Кажется, ныне этот термин тоже подвергся инфляции: нет, видимо, области, в которой на чем-нибудь не отразилась бы глобализация. Мы уже знаем, что глобализация касается сельского хозяйства, кулинарии, науки, искусства и многих других сфер общественной жизни. Рынок глобальных явлений стал сильно «перегруженным», что привело к терминологическому хаосу. Нельзя не заметить, что во многих случаях применение термина «глобализация» связано скорее с современной терминологической модой, чем со стремлением к компетентному описанию и толкованию фактов. Многие читатели приходят в смущение от того, что перестают понимать, что такое на самом деле глобализация.

Глубокие познания в области глобализации, а также сознание существующих по этому поводу недоразумений демонстрирует Влодзимеж Аниол, политолог и профессор Варшавского университета, в своей новой книге *Парадоксы глобализации*. Главная цель автора – внести ясность в разнообразный материал и представить его в виде компактной синтетической системы, а также отметить самые важные проблемы глобализации. Такой характер книги позволяет разобраться как в динамике глобализационных процессов, так и в главных позициях в большой идейной борьбе за глобализацию.

Книга состоит из четырех глав. В первой – «Сущность глобализации» – автор представил разные точки зрения на глобализацию: как голоса ее сторонников, убеждающих в том, что глобализационные процессы являются неизбежным, новым миропорядком, так и противников, рассматривающих глобализацию прежде всего как проявление эксплуатации бедных богатыми. В главе описаны также специфика действий и роль важнейших глобальных актеров: транснациональных корпораций, международных организаций и национальных государств.

В главе второй – «Экономика: рынок без границ?» – освещаются экономические вопросы глобализации. Здесь анализируются такие основные проблемы глобального рынка, как

формирование международных сетей производства, обменные процессы на мировых рынках труда и капитала.

Третья глава – «Политика: постсуверенное государство?» – посвящена политике. Автор предпринял попытку дать новые дефиниции классическим политологическим понятиям в контексте процессов глобализации. Многие их старых понятий, по предположениям автора, должны будут подвергнуться коренным изменениям, так как их денотаты оказались неадекватными в новой действительности. Автор очень подробно анализирует понятие суверенности, которое по своему классическому содержанию не соответствует сегодняшней политической реальности (к этому вопросу я вернусь в дальнейшей части рецензии). Настоящая глава содержит также характеристику всё еще формирующихся глобальных учреждений управления и юстиции, а также их влияния на современную демократию.

Глава четвертая – «Перед лицом глобализации» – имеет обзорный и познавательный характер. Автор представил здесь воззрения на глобализацию многих выдающихся политологов и философов политики (напр., Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, Б. Барбера, Дж. Грея, Р. Дарендорфа), а также те, которые находятся в обиходе. Данную главу можно оценить как полезную (особенно для студентов) «антологию взглядов» на глобализацию.

Следует отметить, что книга Влодзимежа Аниола не ограничивается лишь представлением других исследователей глобализации. Автор предлагает в ней собственные, вовсе не банальные, тезисы. *Парадоксы глобализации* можно рассматривать как смелый теоретический анализ, побуждающий к творческой дискуссии.

Наиболее интересный мотив рецензируемой публикации связан с политикой, особенно с вопросами дисперсии власти в глобальном мире. Автор пытается по-новому дефинировать основное понятие, относящееся к классическому государству, т. е. суверенность. Он задумывается над тем, не следует ли заменить его более сегодня адекватным – *постсуверенностью*. Этот новый, рассматриваемый автором термин связан с прогрессирующей эволюцией, которой подвергается традиционное национальное государство и его функции. По мнению автора, самые существенные изменения в этом плане совершаются на уровне стратегии безопасности, в трактовке экономики и в общественной политике. В современной политике

безопасности гарантия суверенности не сводится лишь к обороне территории. Государство должно уметь заключать самые разные союзы, эффективно включаться в мировой обмен информацией (не только военной), чтобы оградить себя от угроз нового типа. Изменяется также способ ведения экономической и общественной политики. Отстаиваются, в частности, наднациональные урегулирования, касающиеся рынка финансов, и определение таких политических целей, как поддержка отечественных фирм на внешних рынках, а также создание благоприятных условий в стране, которые поощряли бы зарубежные инвестиции. Благодаря подобным факторам в свете политики возникает, по определению автора, «новое созвездие интересов». Наднациональные промышленные корпорации, банки или крупные торговые сети стали группами интересов, которые реальным образом влияют на форму политики и с которыми находящиеся у власти политики должны всё больше считаться. Иными словами, эпоха постсуверенности отличается бурным ростом различных организаций, которые вместе несут ответственность за принятие политически важных решений.

Представляя масштабный подход к явлению глобализации, автор книги не уделяет, как нам кажется, достаточного внимания такому ее существенному мотиву, каким является культура. Между тем нельзя не заметить, что именно благодаря массовой культуре обыкновенный человек встречается с глобализацией чаще всего. Если рассматривать культуру как общепринятую совокупность норм, то как раз в ней глобализация и прижилась больше всего. Везде в мире можно перекусить в «Макдоналдс», купить хитовую пластинку с поп-музыкой или посмотреть новейшую бондиану (кстати, с каждой последующей частью Бонд становится все более «глобальным» и все менее английским). Глобализация коснулась также самой высокой культуры. Пикассо – это не только фамилия художника, но и модель машины, а музыка Баха оформляет, например, рекламу кефира. Я не хочу здесь отстаивать тезис, что глобализация искажает или упрощает артефакты нашей культуры. Дело только в том, что они могут *иначе* функционировать в общественном сознании. От нас самих зависит, будет ли это *иначе* означать более *поверхностно*.

Достоинством *Парадоксов глобализации* является популярный, ясный стиль изложения. Автору удалось избежать сложного, узкоспециального языка и трудных для читателя

выводов. Поэтому книга может привлечь внимание не только специалистов в этой области, но также всех, кто интересуется глобализацией.

В заключение следует отметить, что книга Влодзимежа Аниола очень старательно оформлена в полиграфическом отношении. Небольшой удобный формат, а также хорошее качество печати облегчают чтение текста. Похвалы заслуживает и прием 22 «модулей», которые максимально кратким образом объясняют или иллюстрируют некоторые ключевые вопросы. Немаловажное значение имеет здесь и художественное оформление издания – красивая, с продуманной цветовой гаммой обложка. Качество издания польской научной книги, к сожалению, все еще оставляет желать лучшего. На этом невыразительном фоне *Парадоксы глобализации* заметно выигрывают, уже одним своим видом вызывая желание взять в руки эту со многих точек зрения ценную книгу, как нельзя более достойную прочтения, размышления и дискуссии.

Цезары Косьцельняк

Il Triangolo di Osama. USA/Russia/Cina. L'impero u altrove. L'insostenibile leggerezza dell'Europa. La rivoluzione di Putin, "LiMes – Rivista italiana di geopolitica", 2002, nr 3, 319 p. (Gruppo Editoriale L'Espresso).

То, что мы наблюдаем после 11 сентября 2001 года, еще не является конфликтом между цивилизациями, но вполне возможно, что в такой конфликт может перерасти. Ориана Фаллачи в своем громком «письме к Западу» написала, что война, объявленная нашему миру атакой на США, есть «война религиозная», которой хочет и которую объявляет, правда, только одно из ответвлений ислама, однако это не противоречит первому суждению. Исламские фундаменталисты апеллируют к религии. Именно она абсолютное основание и конечная форма их культуры. Существуют, конечно, большие

различия между разными группами и толками ислама, но это и рождает риск, что террористы Усамы бен Ладена этими различиями воспользуются.

На Западе недостаточно глубоко осознается то, что мы имеем дело с первым конфликтом асимметричной войны, но уже в глобальном масштабе. Прежние асимметричные конфликты состояли в том, что на одной стороне было мощное государство, а на другой – слабо вооруженное население атакующей страны (например, Алжир, Вьетнам, Афганистан). На этот раз противником является группа, которая действует в разных странах. Значит, традиционные формы и техники военного ответа на действия такой группы являются неадекватными. Поэтому для Запада это трудный конфликт. Он совершенно не похож на все предыдущие, описанные Карлом фон Клаузевицем. Тем более, что сегодня мы выделяем несколько цивилизаций, каждая из которых может войти в конфликт друг с другом.

Однако это не культуры конфликтуют. Конфликтуют реальные люди. Данной проблематике посвящен последний номер итальянского геополитического журнала “*LiMes*”, озаглавленный «Треугольник Усамы. США-Россия-Китай». В номере много документально аргументированных статей, необыкновенно богатых по содержанию. Я ограничусь только той его интересной частью, которая посвящена России и «революции» президента Владимира Путина (“*La rivoluzione di Putin*”). Мы часто слышим сегодня о политических шансах России, которая может стать квази-союзником Запада в борьбе против смутно определяемого терроризма, ассоциирующегося с исламом, с антиамериканизмом или антилиберализмом, а то и с т. н. Третьим миром и вообще с южным полушарием. Политика Путина стремится к использованию этого шанса. Одновременно из текстов итальянских авторов следует, что мы сейчас в такой точке развития мира, о которой раньше и не помышляли, более того, мы всего лишь на расстоянии шага от мировой катастрофы на грани апокалипсиса. Адриано Роккуччи пишет, что Россия обречена быть империей и что крах коммунизма не является ее крахом или не должен им быть⁶. В то же время он отмечает, что России присуща имперская ментальность, без которой ей не существовать – либо великая Россия, либо ее нет вовсе (С. 180).

⁶ A. Roccucci, *Per la Russia l'impero resta la carta vincente*, p. 177–192.

Пьеро Синатти останавливается на проблеме, которая является навязчивым мотивом почти во всех статьях⁷. Речь идет об энергетических ресурсах, залежах нефти и природного газа. Возникает очень нехитрая картина: Россия располагает огромными ресурсами нефти и газа, что и определяет ее роль в мировом равновесии. Тем более, что неизвестно, каковы связи между «саудовским исламом» и терроризмом или притязаниями исламизма на господство в мире. Это не означает, что Синатти замечает только данный аспект проблемы. Запад, по его словам, интересуется энергетическими ресурсами Кавказа, Каспийского моря и Центральной Азии прежде всего потому, что там можно делать отличный бизнес. Пользу для себя хотят извлечь и частные корпорации, и государства, главным образом США. Синатти пишет о возможном договоре между Россией и США по использованию природных ресурсов. Упоминает о том, что американцы думают также о прокладке трубопровода в обход России (Баку-Тбилиси-Джейдан, под Каспийским морем, через Пакистан и Афганистан), россияне же отвечают на это мало реальным предложением нити Тенгиз-Новороссийск с терминалом на Черном море. У Соединенных Штатов есть план обойти Россию, а Россия (как считает Синатти) не очень-то мешает им, причем не потому, что во всем этом предприятии участвуют крупные американские концерны, а чтобы укрепить собственную позицию (С. 204).

Кажется, как пишет Фабрицио Вельмини⁸, мы принимаем участие или в странной войне, или в отлично подготовленном спектакле. Главным героем является Путин, который удачно играет роль общенародного идола. В этот образ поверили, видимо, и западные политики. Когда после атаки 11 сентября Путин выразил Бушу свое соболезнование – «мы вам сочувствуем, мы с вами», в Европе и в США воцарилась эйфория. Вельмини сомневается в искренности Путина. Он задает себе вопрос, как долго еще россияне будут терпеть сближение США, Грузии и Узбекистана, а также присутствие Америки в Центральной Азии. Автор считает, что воля к сотрудничеству с Соединенными Штатами со стороны России неискренна. Вызывает сомнения и сближение России с НАТО. Это притворный альянс, просто Россия сегодня не в состоянии оказать противодействие Соединенным Штатам (С. 217).

⁷ P. Sinatti, *Il triangolo energetico Russia-Europa-America*, p. 193–205.

⁸ F. Vielmini, *Mosca rischia l'espulsione dall'Eurasia*, p. 207–218.

Текст Карло Жана⁹ не отличается в принципе от наблюдений Вельмини. Автор пишет о взаимоотношениях между Евросоюзом и Россией и выдвигает тезис о необходимости интеграции («своего рода») Европы с Россией, отмечая в то же время, что это «сложная проблема», поскольку сама Россия не определила еще роль, которую она хочет взять на себя в новом миропорядке (С. 219). Он ставит такое сотрудничество под сомнение, если не будет договоренности с Соединенными Штатами. Считает, что в этом случае Европа не до конца вольна поступать по своему усмотрению и что нужно своего рода согласие со стороны США, без которого интеграция России в Евросоюз могла бы вызвать раздражение Соединенных Штатов (С. 224).

Дилемму, стоящую перед Россией, – *евразийство* или Запад – рассматривает Альдо Феррари¹⁰. «Чрезвычайно благоприятное», по его словам, положение России между Европой и Азией позволит ей сыграть особенную роль в сохранении равновесия сил в мире и в противодействии «всевластию» Соединенных Штатов. Данное противодействие может осуществиться посредством сближения России с Китаем, которое, впрочем, происходит, но не без затруднений. Большое беспокойство у россиян вызывает не только необычайная экономическая, но и демографическая экспансия Китая. Значительная часть территории России находится в Азии, что и обуславливает ее связи также с Индией. Между тем, в оценке Феррари, в последнее время Россия запустила это направление в своей политике. Стремясь в Европу, она не использует в полной мере благоприятных условий своего евразийского местоположения, а президент Путин ведет себя так, будто такое на самом деле удобное положение замедляет движение России в направлении к Западу (С. 231).

Мауро Де Бонис пишет о замечательной возможности построения железной дороги через Берингов пролив, соединяющей Россию с Соединенными Штатами¹¹, что значительно удешевило бы транспортировку энергетического сырья из Сибири и Аляски. Раздел завершает текст Филиппы М. Хитчен, посвященный сложным отношениям между Ватиканом

⁹ C. Jeana, *Che cosa unisce Europa e Rusia*, p. 219–226.

¹⁰ A. Ferrari, *I dilemmi del Cremlino tra eurazismo e occidentalismo*, p. 227–236.

¹¹ M. De Bonis, *La quadratura del triangololo: come unire via terra l'Eurasia all'America*, p. 237–246.

и Православной церковью¹². Автор прав в том, что более значимыми являются в наше время различия не между культурами, а между религиями. Сегодня вероисповедальная самоидентификация российских христиан сильно расшатана. В свете недавних преследований за веру такое явление легко можно объяснить, тем не менее оно вызывает беспокойство и агрессию со стороны сильного антиэкуменического течения, преобладающего в современном православии.

В России принадлежность к конфессии совпадает, как правило, с национальной и культурной. Каждый из помещенных в рассматриваемой части журнала текстов касается в той или иной мере мусульман, которые по разным подсчетам составляют от 5,5% до 20% населения России. Это 20 миллионов человек, проживающих главным образом в девяти исламских республиках. Феномен Чечни можно рассматривать в отрыве от напряженностей в отношениях между разными народами, культурами и вероисповеданиями, но можно также видеть в нем и вершину айсберга. Разрыв связи с российским государством на всем протяжении границы между христианством и исламом следует признать фактом. События 25 октября 2002 г. в Москве, когда несколько десятков готовых на все чеченцев взяли в заложники сотни людей, драматическим образом подтвердили вездесущность террора и масштаб угрозы. Ничем – вплоть до наиболее благородных национальных и государственных интересов – нельзя оправдать методы борьбы, которые применяет современный терроризм. Президент Путин умело это использует, несмотря на то, что сама Россия нарушает в Чечне фундаментальные права человека, которые Запад в других точках земного шара отстаивает с такой решительностью. Путин обыгрывает данную ситуацию, и Россия по-прежнему остается силой и значительным игроком на международной шахматной доске.

Какие же выводы делают авторы итальянского журнала в отношении России в новой международной ситуации после атаки на *World Trade Center* 11 сентября? Выводы не из простых, так как перспективы у России противоречивые, как заключает в первом разделе Дмитрий Тренин (“I triangoli del triangolo”)¹³. Одной из них является сотрудничество с Соединен-

¹² P.M. Hitchen, *Tra Mosca e Vaticano u ormai guerra fredda*, p. 247–255.

¹³ D. Trenin, *Con la Russia in Europa pum nascere un nuovo triangolo*, p. 26–31.

ными Штатами и Европой, возможно также с Китаем и Индией, что обеспечило бы человечеству мир на долгие годы и благосостояние, которых не было еще в истории прежде. В текстах проступает глубокое сознание шансов, но и угроз. Итальянцы не открывают ничего нового, когда они пишут о том, что мировая экономика достигла сегодня такого технологического уровня, который не в состоянии было придумать самое богатое воображение утопистов XVI, XVII и XVIII веков. С другой стороны, они видят существование огромной опасности, так как США могут пожелать воплотить в жизнь т. н. экономику военного кейнсианства. С этим связано увеличение расходов на вооружение и войны ради стабилизации экономики, находящейся в состоянии катастрофы, не способной восстановить равновесие между уровнем потребления и издержками на производство потребительских благ. Итальянцы сознают такую опасность. Если бы Соединенные Штаты решились отстаивать свое превосходство с помощью всевозможных средств, в том числе военных, если бы они попробовали атаковать территории, находящиеся в сфере влияния России и Китая (речь идет о Центральной Азии), если бы хотели помешать влиянию исламских стран на торговлю нефтью или произвели бы интервенцию в Ираке, Иране, не говоря уж о возможном конфликте с Саудовской Аравией, наверняка в таком случае и Россия, и Китай, а также Европа почувствовали бы это весьма ощутимым образом. Читая тексты, опубликованное в журнале Лучио Караччиоло (главный редактор), мы постоянно сталкиваемся с убеждением авторов в том, что Соединенные Штаты должны принять тезис, происходящий отчасти из России, что на свете имеется несколько центров силы и много сфер влияния. Если США будут склоняться к глобализации по-американски, то вся «хореография» сближения России и НАТО, согласия России на борьбу с терроризмом окажутся лишь второстепенной формой скрытого и опасного соперничества. А говоря на языке политической технологии, взявшие на себя обязанность контроля над миром, США преодолеют каждое препятствие на этом пути или же постараются вовлечь все остальные страны в сферу своего господства. Какова цена такому соотношению сил? – спрашивают итальянцы.

Незнание России, непонимание ее было причиной наиболее мучительного позора западноевропейской политики.

Итальянцы пытаются это изменить, а премьер Сильвио Берлускони является сегодня главным защитником российской позиции в Евросоюзе. Трудно согласиться со всеми оценками и выводами статей, помещенных в последнем номере журнала "LiMes", но, несомненно, мы многое узнаем из них о сегодняшней России, хотя и новых вопросов рождается множество.

Збигнев Махельски

Lonnie R. Johnson, *Central Europe: Enemies, Neighbors, Friends*. Second Edition, Oxford and New York, Oxford University Press 2002, 351 p.

Заинтригованный заглавием читатель не узнает точно, кто друзья, а кто враги среди сопредельных стран Центральной Европы. Труд Лонни Р. Джонсона является синтезом истории этой части Европы. Автор, гражданин США, родом из Миннеаполиса, более двадцати лет постоянно связан с Центральной Европой. Живет и занимается научной работой в Вене. Первое издание книги появилось в 1952 г. Следует подчеркнуть, что с тех пор книгу часто допечатывали, она вошла в список обязательного чтения многих исторических факультетов, отделений славистики и международных отношений в западноевропейских университетах, но особенно в американских.

Как история Центральной Европы, написанная на английском языке, это не уникальная публикация на издательском рынке. В этом контексте следует упомянуть хотя бы превосходную работу Петра Вандыча *A Price of Freedom: A History of East Central Europe from the Middle Ages to the Present* (London: Routledge, 1992) или многотомный синтез судьбы Центральной Европы под редакцией Питера Ф. Шугара и Доналда В. Тридголда. И все же труд Л. Р. Джонсона выделяется особыми качествами. Написанный хорошим языком, он является ценным изданием в литературном отношении. Освещает, по-моему, все важнейшие факты из истории центральноевропейских народов, причем интересным образом анализирует

взаимообусловленность отношений между ними. Самым ценным качеством рецензируемой книги являются блестящие ссылки на исторические параллели и проведение глубоких сопоставлений. Например, анализируя явление германской экспансии на Восток в XIII и XIV вв. и описывая Грюнвальдскую битву, автор приводит сведения о том, как откликнулась на эти события национальная литература, прежде всего польская. Тут как бы мимоходом он упоминает также имя Мицкевича, не без намека на пропагандируемую поэтом в XIX в. идею мессианизма. В противном случае нельзя было бы подробно обратиться на 351 странице книги в хронологическом порядке ко всем главным событиям, происходящим в исследуемом регионе. Такой прием, выбранный для описания истории, облегчает чтение книги и одновременно настраивает на размышления. Благодаря этому книга не напоминает типичной академической работы. При этом она не лишена и научной глубины, а множество фактов излагается очень доступным образом.

Главным замыслом, который сопутствовал автору во время работы над книгой, о чем он пишет на одной из первых страниц, было ознакомление читателей (предположительно прежде всего тех, кто не знает подробно истории этой части Европы) с судьбами народов, увиденными их же глазами, с разными историографическими традициями, характерными для различных частей Центральной Европы. Трудно не согласиться с автором, что одно и то же событие может интерпретироваться неодинаково разными сторонами, принимающими в нем участие. До сих пор, как подчеркивает Джонсон, в немецкой историографии преобладает очень высокая оценка роли ордена крестоносцев в истории Центральной Европы как благородных представителей христианской культуры и немецкого рыцарства, которые не щадя сил цивилизовали Восток (*noble representatives of Christian culture and German chivalry who heroically civilized the east*; С. 43). Нет здесь, наверное, нужды подробно рассматривать совершенно контрастирующее с этим польское видение крестоносцев на протяжении веков. А ведь нельзя также отказать в правоте суждению, что орден многое внес в культурное наследие Центральной Европы.

Следовательно, как верно констатирует автор, не существует одной определенной истории Центральной Европы. Скорее ее составляют свидетельства отдельных народов, толкования, зачастую противоречащие друг другу или же

противоположные, окрашенные нравственной оценкой и историческими спекуляциями. Возможно, именно отсюда и берут начало особого рода взаимоотношения в Центральной Европе и вследствие этого такая вот триада: соседи – друзья – враги. Не был ли разбойничий набег чешского князя Бржетислава на земли великополян в 1038 г. и вывоз реликвии св. Войцеха ключевым моментом, вокруг которого еще много столетий спустя тлели взаимные недоразумения и неприязнь между поляками и чехами? Следует добавить, что это имеет отношение только к элитам, в среде которых жива была историческая память.

Лонни Р. Джонсон сделал любопытное наблюдение, что в представлении населения Центральной Европы функционируют разные исторические карты с обозначенными на них временными цезурами, которые необязательно распознаются за пределами данного региона и, что еще хуже, иногда не признаются или не понимаются также ближайшими соседями. У каждого из государств Центральной Европы есть такие цезуры, которые в историческом сознании функционируют неизменно как точка отсчета. Автор имеет несомненно в виду некоторые ключевые события в запутанных судьбах Центральной Европы, как, например, чешское Белогорское сражение, венгерский Мохач или осада Вены, которые определили ход событий на будущее. Интересной является и рефлексия Джонсона, согласно которой жители Центральной Европы в большинстве случаев умеют обращаться к исторически отдаленным фактам как к прецеденту, оправдывающему современные события. В целом автор высоко оценивает уровень их исторического сознания.

Джонсон начинает свою книгу с анализа понятия «Центральная Европа». Здесь и возникает элементарный вопрос: где находится Центральная Европа? Почему нельзя однозначно разделить Европу – только на Восток и Запад? Религиозные, культурные, экономические и политические условия позволяют дефинировать Центральную Европу как однородный регион, а также отличить его от Восточной и Юго-Восточной Европы.

Хотя рассуждения автора не образуют никакой оригинальной концепции, как следует понимать данную категорию, они вносят некий порядок в хаос понятий и по-разному обозначенных границ. В общем Центральной Европой он называет территорию, к которой относятся сегодня следующие госу-

дарства: Германия, Польша, Чешская Республика, Словакия, Австрия, Венгрия, Словения, Хорватия. Трудно целиком согласиться с автором в отношении принадлежности к Центральной Европе всей территории Германии, поскольку к этому региону тяготеет скорее ее восточная часть. Исторические границы Центральной Европы проходили восточнее и юго-восточнее, чем современные границы центральноевропейских государств. Лонни Р. Джонсон называет пять критериев, по которым можно определить Центральную Европу как отдельный регион.

Первым отличительным показателем этой части континента является, по мнению автора, взаимосвязь религии и культурной направленности. В долгой исторической перспективе жители Центральной Европы считают себя представителями западноевропейской культуры. Это однозначно связано с фактом принятия в средние века христианства с Запада. Несмотря на то, что Римская империя, расположенная к западу от Рейна и к югу от Дуная, включала только часть территории Центральной Европы, своеобразие региона и его западный облик определилось в конечном итоге воздействием религии.

Второй из критериев, указанный автором, схож отчасти с первым. Так, автор подчеркивает, что границы образованных в средневековые государства совпадают с религиозными границами между Восточной и Западной Церквями. Как он верно отмечает, Центральная Европа как историческое явление чрезвычайно динамична. Движущей силой в истории государств, впрочем, не только в данном регионе, по-прежнему остаются взаимозависимость и взаимодействие, нередко и взаимное соперничество (отсюда – то враги, то друзья) в экономическом, религиозном, идеологическом плане, а также в отношении династических или национальных интересов. Ярким свидетельством динамичности региона являются также непрерывно меняющиеся границы государств. Наибольшего территориального масштаба Центральная Европа достигла в XVI в. В соответствии с принятой Джонсоном предпосылкой принадлежности к ней всей Германии, в пределах тогдашней Центральной Европы оказались тогда западные границы Священной Римской империи германской нации, южные и восточные границы Венгерского королевства, заканчивалась же она на востоке границами Речи Посполитой.

Третий показатель своеобразия и специфики Центральной Европы – это ее многонациональные государства. Наглядным примером являются Венгрия и Польша. Венгерское королевство обладало самой большой территорией к концу XV в. и занимало, что стоило бы отметить, в три раза большее пространство, чем современная Венгрия. Польша после унии с Литвой как Речь Посполитая оставалась самым крупным государством Европы в XVI столетии. Кстати говоря, как Габсбургская монархия, так и Россия, которые со временем поглотили Венгрию и Польшу, также были многонациональными.

Очередным показателем специфики Центральной Европы стала, по мнению автора, многовековая конфронтация с исламом и Османской империей. Этот фактор также повлиял на процесс культурного единения региона.

Пятый, последний по счету критерий в концепции Джонсона связан со своеобразной моделью развития Центральной Европы. С концом средневековья западноевропейская экономика и общества стали модернизироваться большими темпами. Вследствие этого образовался зазор между уровнем развития обеих частей континента, который со временем увеличивался. Такая аргументация грешит некой неточностью, происходящей от принятых автором географических рамок в отношении Центральной Европы, поскольку отставание, особенно в экономике, ни в коем случае не касается Германии.

Следует подчеркнуть, что автор очень высоко оценивает роль немцев и евреев в создании цивилизационного наследия Центральной Европы, утверждая даже, что они явились «катализатором средневропейской культуры» (С. 7). Он ностальгически замечает, что в первой половине XX в. наступило разрушение модели культурного развития, по которой следовала Центральная Европа. Все это произошло главным образом из-за деструктивной роли III Рейха в этом регионе. Другим виновником является Россия. Особой цезурой в истории Центральной Европы стало появление после II мировой войны железного занавеса, отделяющего сферу влияния СССР от Запада. По мнению Джонсона, в результате возникло новое образование – Восточная Европа в рамках Варшавского договора. Почти пятьдесят лет просуществовало довольно

непроницаемое разделение Центральной Европы на Запад и Восток.

Любопытен подход Джонсона к новейшей истории региона. Он выделяет в ней период формирования Восточной Европы под доминацией СССР (1945-1948), а время с 1956 г. по 1989 г. характеризует как процесс медленного, но и неизбежного краха этого образования. Автор приветствует факт, что благодаря перспективе расширения Европейского Союза за счет стран, некогда находящихся в сфере советского влияния, вновь используется шанс интеграции Центральной Европы. Следует признать, что Джонсон делает верные наблюдения на тему развития международных отношений в Центральной Европе после 1989 г. Эта часть книги особенно важна, так как она является дополнением к первому изданию. Издание 2002 г. содержит эпилог под названием «Послереволюционные парадоксы: Центральная Европа после 1989 года». Какие же парадоксы отмечает автор? Примечательно то, что книга заканчивается упоминанием Польши. Поражение Леха Валенсы в очередных президентских выборах и победа Александра Квасьневского оценивается автором как один из первых показателей нормализации отношений в Центральной Европе в трудном процессе трансформации.

Заслуживает внимания и композиция книги. Тематика каждой главы определяется несколькими ключевыми событиями или существенными для понимания рассматриваемого периода вопросами. В книге удачно подобраны карты и иллюстрации (начиная с репродукции Мохачской битвы 1526 г. и кончая известным плакатом Союза Юных Демократов Венгрии на выборах 1990 г., на котором представлены целующиеся Брежнев и Кадар). Книга снабжена научным аппаратом, хотя примечания сведены к минимуму, а библиография ограничивается лишь несколькими ссылками.

Джонсон, компетентный и беспристрастный исследователь, не избежал, однако, некоторых неточностей и даже ошибок. Описывая апогей конфликта между поляками и крестоносцами, он вспоминает (С. 43) об участии украинцев в Грюнвальдской битве на стороне польских отрядов, что следует признать явным анахронизмом (*The king of Poland, Władysław Jagiełło, had organized a motley "Pan-Slavic" army of some 39 000, consisting of Poles, Lithuanians, Czechs, and Ukrainians and supported by Tatars and troops from as far away as Romanian Wallachia*).

Книга Лонни Р. Джонсона особенно заинтересует как историков, так и специалистов в области международных отношений и политологов. *Central Europe: Enemies, Neighbors, Friends* доставит читателю много поводов для размышлений. Особенно жителям Центральной Европы, которые получили возможность проверить, как они воспринимаются другими.

Иоанна Ходор